

Колесо времён неумолимо: настоящее становится прошлым, будущее – настоящим, а где-то вдали всё равно виднеется тонкий лучик чего-то непокорённого, ещё невиданного. Колесо Сансары не повернуть, не сломать, оно вечно – много древнее ещё совсем юного, неоперившегося времени.

Без прошлого нет настоящего, нельзя построить что-то новое, не опираясь ни на что. Не берётся из ниоткуда Злодей, жаждущий чужой крови. Не появится из воздуха Герой, который его сразит. Мы зависимы от того, что было, если хотим увидеть то, что окажется после.

Всё в мире зависит от прошлого, определяется им – но не становится глупой калькой, пустым наброском. Прошлое нельзя отрицать, но и нельзя слепо ему повиноваться. Оно было, оно повлияло, но каждый куёт себя сам, собирая по кускам из опыта предыдущих поколений, совершённых поступков, выхваченных зорким глазом людей... нельзя только собрать себя из того, чего нет: из навязанных чувств, из пошлых, чужих мотивов... всё это рассыпется, будто карточный домик в жаркий летний день на берегу ручья. Нельзя создать себя из никого – но только у всего есть другая сторона, тёмная и самая страшная тайна в чулане: у Добра – это Зло, у Двуличия – страх вновь оказаться искренностью; у светлого дня – это тёмная ночь, у тёплого лета – морозная зима.

Воздух искрило от взлетающих вокруг частичек снега. Ледяные чертоги искрили светом, маяком притягивали случайных путников, которым не повезло заблудиться в буран. Будто хоть один осмелился бы потревожить покой Снежной Королевы – демона, что с давних пор обосновался на крайнем Севере. Лучше было замёрзнуть насмерть, чем остаться без души. Слухи, что ходили о Владычице Севера давно уже превратились в легенды, да и те уже припорошило пеплом времён. Кто помнил ту девушку, что когда-то пришла в эти края в чёрном платье с задумчивым, полным боли взглядом? Нет, сейчас это была прекрасная и жестокая демоница, давно заморозившая и своё сердце, и тех несчастных, кто оказывался в её владениях...

Снежная Королева с едва заметной улыбкой сидела перед зеркалом, расчёсывая свои волосы. В её покоях зеркало занимало почти всю стену, заключённое лишь давно потемневшую раму. Единственное место во всём замке, где всё не сверкало, отражениями в отсветах создавая радугу то там, то здесь. Покои оставались единственным напоминанием о прошлом, о том, кем когда-то Владычица Севера была. Порой она сама забывала, путалась в своих же именах, передаваемых шёпотом и из уст в уста. И только здесь могла вспомнить себя – побыть собой. Простой ритуал – рассыпать густые пряди по плечам, осторожно коснуться их гребнем: раз, другой, пока вся усталость и все заботы не уйдут окончательно. Волосы длиной достигали пола – никакие заботы пока не продержались дольше.

Блестевшие холодным сапфировым блеском глаза столкнулись с самими собой в отражении зеркальной глади. Обычно они выжигали душу, а полные губы – сулили безжалостную расправу, но не сейчас. Вечер ещё только начался, но взгляд Королевы был чуть мягче, на пару градусов теплее.

Этот мальчишка... – кажется, Кай? – он оказался как нельзя кстати. Чист, словно первая слеза, хрупок, словно первый, самый тонкий лёд... под конец этой – её самой долгой – зимы он смог сделать то, что не удавалось никому уже много веков. Будто кто-то хотя бы пытался... этой весной мальчишка смог зажечь что-то в давно промёрзшей душе. Умный, своенравный, смешливый... он напоминал кого-то ещё, давно забытого, запертого в прошлом.

Королева давно привыкла, что постоянными её спутниками оказывались ветра да метели, неизменно сковывавший её внутренний холод, да звенящее одиночество. Впрочем, выбирала она их сама и с особой тщательностью. Забылось только давно уже – что выбирала она то, чем яро желала себя наказать.

Мальчик был даром небес, крохотным напоминанием о том, что Снежная Королева когда-то, многие годы назад, была всего лишь Анной. На губы невольно легла улыбка: ну да, конечно, всего лишь, будто уже тогда она не

держала в своих руках ту же силу, что сейчас устрашала и передавалась крестьянами шёпотом в ночи... не за способность управлять холодом её ненавидели, совсем не за неё...

С тихим стуком Королева отложила гребень в сторону, почти бесшумно поднялась, медленно собирая волосы в тугую косу. Растерянно скользнув взглядом по комнате, она медленно направилась к выходу. Совсем не таким был её шаг в предрассветные часы, когда она выходила, чтобы начать новый день: эхом по замку прокатывалось перестукивание каблуков, всё замирало, в восхищении и страхе, молясь, чтобы Королева лишь прошла мимо.

Сейчас не было никаких каблуков – тихие шлепки ступней о холодный пол напоминали совсем ещё непослушную девочку, сбежавшую морозной ночью куда-то исследовать тайны старинного замка. Уголок губ дёрнулся, словно Её Величество желала улыбнуться. Но нет, не время. Появляться без маски перед – почти – подданными негоже. Плечи против воли дёрнулись... зачем? На лбу мелькнула морщинка, но всё же быстр пропала. До комнат Кая идти было всего ничего.

Время было позднее, солнце давно уже перестало освещать льдистые залы – да и день давно уже стремился к полярному, вечному дню, но мальчишка ещё не ложился. Так и сидел, скрестив ноги, на холодном полу – перебирал льдинки. Раз за разом, снова и снова. Он не видел ничего и никого – Королева была уверена, не заметил бы он, подойди она к нему в полном облачении, внося в комнаты морозную ясность утра.

Она остановилась перед сгорбившейся спиной. Где-то внутри отчаянно зудело презрительное повеление выпрямить спину, но пока что оно не прорывалось словами. Ладони сами тянулись к плечам – то ли дотронуться, привлечь внимание, то ли приобнять. Но нет, рано, совсем рано. Королева знала: нужное слово ему собрать не дано. Пока не дано. Взгляд мальчика затуманен, он не видит пути. Так же, как не видела и она. Ещё не время, его дорога только начиналась.

Быстро развернувшись, она вышла, бесшумно прикрыв за собой морозные двери. Этот свой порыв понять полностью не выходило. Что тут можно было произнести? Зачем было разрушать хрустальную тишину звоном речи? Скоро, совсем скоро, здесь и так будет чересчур шумно – та девочка, Герда, уже собиралась в дорогу, искать названного братца.

– Миледи Герда, не задерживайтесь, это дурной тон, – тихий шёпот всё же раздробил мёртвую тишину ночных залов, губы – всё же исказила улыбка, усмешка. Словно повинуюсь ехидному, издевательскому тону госпожи, с ледяного пола медленно стал подниматься воздух, искрящийся кристалликами льда.

На небе собирались тучи. Скоро должна была начаться метель.

Балы, балы, какая скука! Для тех, кто с жизнью не знаком.

Но для тебя, царица красок, что воздух бал – таков закон.

Тебе привычны эти крики, шум, гам и просто кутерьма.

Твоя природа неизменна и в танце вся отражена.

"12 Камней " Ксандра

В любую эпоху любого времени есть что-то, что делают все; есть что-то важное, нужное, от чего нельзя отказаться – иначе многие двери попросту захлопнутся, даже не открывшись; есть что-то сладкое, запретное, порицаемое – но столь же необходимое, волшебное, без чего сама жизнь покажется адской мукой. Это может оказаться чем угодно – игрой на выживание с мамонтом, ритуалом призыва дождя или же костюмированными выступлениями с продолжением для богатых гостей... и за то, что приветствуется сегодня, завтра можно будет услышать "голову с плеч!"

Вечной остаётся только война, вечное противостояние одного с другим. Ну и интриги. И похоть. Чтобы держаться, миру нужны три кита, не так ли? Три страсти, если точнее. Ужасно? Отвратительно? Разумеется. Ещё немного

беспринципно и чуточку самонадеянно, но так точно проще – разбившиеся наивные надежды юности хотя бы не режут руки до крови своей самонадеянностью. Мир создан для развлечений, жизнь коротка! Ах да, вот и "черепашка" – балы, званые вечера, королевские приёмы, деревенские игрища или же вечеринки – вечное плато, на котором разыгрываются все исторические спектакли.

Анна поправила чуть выбившийся из тщательно уложенной причёски локон и ослепительно улыбнулась. Показывать нужное, скрывать реальное. Этому быстро учишься, живя при Дворе. В глубине души бушевала буря, но лицо оставалось безмятежно счастливым, как бы ни сводило скулы от отвращения: манеры, гордо поднятая голова, отстранённый взгляд... Быть первой фрейлиной принцессы Клариссы – тяжкий труд; играть роль красивой, но не слишком умной куклы – сложно; собирать сплетни при Дворе и организовывать нужные союзы – обязанность, честь и самая главная пытка из возможных. Следы на коже сойдут, раны заживут, но никто не освободит от прямых обязанностей никак, кроме как отправив на плаху. В планы Анны такой исход как-то не входил. Она всегда была наблюдательной девочкой и, по завистливым слухам, умела извлекать выгоду почти из воздуха, что уж говорить о принципах... при Дворе часто шептались о скрытности, холодности и расчётливости первой фрейлины, зачаровавшей и принцессу, и короля: как заметить, что тобой манипулируют, когда огромные голубые глаза искрятся честностью, а хрустальный голосок никогда не солжёт?

Анна с малых лет усвоила основные правила этой заумной игры: чтобы тебе верили – никогда не лги, ведь полуправда – ещё не ложь, ведь умолчать – это не солгать. Постепенно, шаг за шагом, она строила свою жизнь, тасовала карты, которые швыряла в лицо Судьба. Иногда путь вперёд виделся до странного лёгким, простой прогулкой по саду; иногда – был тернист и опасен, как однажды, когда пришлось заночевать в страшной лесной чаще. Но всё же, одно противоречие не могло не удивлять – сначала девочку, а после уже и

девушку, – власти желают многие, так что им стоит просто *слушать* и *слышать*? Просто поговорить с поварихой или несущим пост стражником, спуститься в нижний город, пройтись по базару. Удивительно, Как много полезного может знать простая торговка зеленью. Удивительно, как дорого могут стоить её слова перед военным советом, когда у одного из генералов не хватает знаний, как же это все позабыли о старой канализации, в которой уже полвека даже мыши не живут. Непонятно...

Зала не просто была прекрасна, она сияла тем особенным, магическим светом, которого просто так не добиться: едва ли не за месяц до приёма всех слуг сгоняли на приготовления, работа кипела и днём, и ночью. Начищенные до блеска полы создавали даже какую-то иллюзию водной глади, отражали всё и всех, кто торопливо или вальяжно прохаживался то тут, то там: одетая по последнему слову моды обслуга, вышколенная едва ли не до полного стирания личности; чудесная еда, ради которой было повешено три повара; огромная люстра, приятным мягким светом озаряла всех высокопоставленных гостей, хрустальным звоном порой заглушая самые тайные диалоги – и кому какое дело, что за хрусталь пришлось доплатить парой рабынь из совсем бесполезных служанок... кому какое дело, когда прекрасные наряды прекрасных же дам полностью отражали настроение вечера: неудобные, душные, жмущие, в них не опустить смущённо взгляд, только гордо поднять голову выше, да изредка кивнуть кому-то полезному.

Анна плавно плыла по зале, придирчивым взглядом осматривая каждого – и гости, и прислуга получали равно внимания. Чего только не узнаешь, когда люди свято уверены, что никому нет до них дела, что никто не наблюдает со стороны... вот милейший барон преклонного возраста, разговаривает о перспективных поставщиках, а сам пялится на задницу молоденького слуги; вот девица, что в первый раз вышла в свет. Заметно нервничает, чуть в рот не смотрит своему сопровождающему, уже успела пожениться с ним и нарожать ему кучу деток в мыслях... для неё это рыцарь, его сияющий доспех не имеет ни

одной вмятины, ей не важно, с чего бы это было дурным знаком... Или милейший жених принцессы – чудеснейший, благороднейший человек, который уже приготовил чарку с ядом и пару ножей для верности. Чувствовало сердце Анны, не быть браку долгим...

– Позвольте пригласить вас на танец, – приятный голос с какой-то загадочной ноткой, едва уловимой особенностью, заставил Анну вернуться к реальности, а не просто отмахнуться стандартной улыбкой и ничего не значившими словами. Немного поспешно кивнув, она присела в слегка не идеальном реверансе: хотелось бы посмотреть на того, кто не окажет всех должных почестей новому Королю, старшему брату Клариссы. На виселицах мест и так не хватает, ещё на одного идиота тратиться...

Его Величество, Король Джонатан отвечал всем девичьим грёзам о мужском идеале: его стать и боевая удаль давно ушли в народ почти легендами, а ум и обаяние свели с ума не одну прекрасную (и, разумеется, знатную) даму. Дворцовые девы, от дам до прислуги, и вовсе готовы были на всё, чтобы хотя бы раз попасть к нему в спальню. Бедняжки просто не представляли, как часто ломались его игрушки и куда они потом пропадали...

Сильная рука, привыкшая держать меч и разрубать врагов на почти ровные части, опустилась Анне на обнажённое плечо. Платье было роскошным, но всё же излишне открытым: и шея, и руки, и даже плечи были выставлены на всеобщее обозрение. Недопустимое предложение, поведение, недостойное истинной леди. Наверное. Кто его знает, как должны себя вести «настоящие» леди, ни одной ведь не осталось. Сомкнув на секунду ресницы, Анна представила, как хорошо бы смотрелась голова Джонатана на пике. Как развевались бы на ветру его длинные волосы, как играл бы с этими локонами солнечный свет... Планы на вечер – спокойный, тихий, с участием её любимых деток и подноса с кухни – летели в тартарары лишь потому, что Королю захотелось поиграть с любимой своею розой! Платья тоже было жаль – красивое, лёгкое, не каждая швея и не каждый свой наряд сможет сшить таким. Будто

Зверя это интересовало хоть сколько-нибудь, что ему мешочек монет да новый туалет для прекрасной куклы?!

Быстрый взмах рукой и вот уже играет музыка, кажется, это был вальс. В кои-то веки Джонатан оказался в настроении поухаживать за «своей дамой»: всё также жёстко, властно, он покорял, наслаждался послушанием, покорностью чужой воле, крепко держа тонкую, почти прозрачную ладошку. Должно быть, поэтому ещё она была королевской любимицей – послушная кукла, тесто, из которого можно было лепить, чего бы ни желала душа. Любая душа. Прелестное личико, почтительно опущенное пониже, точёная фигурка, на которой так прекрасно распускались алые розы порезов; звонкий голос, что никогда не срывался на безобразный крик. Особенное удовольствие игра с такой добычей доставляла, ведь была у Анны и другая сторона: прекрасные охотничьи навыки и сила, достойная рыцаря передались от отца, стигнувшего лет пять назад; ум и манеры матери, Удачно разыгравшей дочь свою последнюю партию... прекрасная, покорная дева, которая полностью тебе преданна – лучшая его роза. Пусть сегодня следовало в начале разобраться с делами, потом будет время развлечься... хотя... ведь утро вечера...

– Артур не пожелал заключать перемирие, – задумчиво наблюдая за блондинкой, медленно, облачавшейся в то, что ещё вчера было прекрасным бальным платьем, Джонатан чуть прищурился, разглядывая свой холст. Нежные запястья всё ещё были украшены следами веревок всё, синяки на шее виделись изысканным ожерельем, украшением, что мягко спускалось по всему телу. Сегодня он был почти нежен со своей любимой марионеткой, единственной женщиной во всём королевстве, что не желала быть его женой, но своё место любимой фаворитки отдавать никому не была намерена. Следя за тем, как Анна ловко справлялась со всеми этими застёжками, Король почти мурчал,

расслабленно лёжа в постели на боку. Хищно ухмыльнувшись, он продолжил. – Моё незначительное пожелание связать нас с его любимой доченькой узами брака он проигнорировал...

– Чем я могу помочь, Ваше Величество? – и вот его роза, наконец, обернулась, уже собранная, готовая работать, она напоминала скорее наёмника, получавшего заказ, чем утончённую фрейлину, визжавшую при виде маленькой долой мышки. Руки подвязывали тяжёлые локоны скупно и без лишних, заискивающих движений, идеальная осанка вовсе не казалась кокетливо женской – скорее стойкой на плацу.

Взгляд Джонатана, слегка затуманенный собственными играми, приобрёл хищную ясность.

– Пошпионишь пару месяцев у Артура при дворце, – опустив подбородок на руку, он расслабленно выдохнул. – Засиделся он на троне, пора бы и дочке его править.

Небрежно, даже как-то сонно протянув руку вперёд, Джонатан сначала легко, играясь, прихватил свою фаворитку за локоны, но только для того, чтобы мгновением позже притянуть её к себе поближе, зашипеть в самое ухо:

– Мне плевать, что ты там устроишь, но через полгода мы с Розой сочетаемся священными узами и далее по списку. Вопросы? – На пару секунд в комнате стало тихо, будто в могиле, а после раздался шёпот. Почти хрустальный. Синие глаза Анны не выражали ровным счётом ничего, впрочем, как и обычно в королевских покоях.

– Когда мне выезжать?

– Завтра, – брюзгливо вытерев руку о покрывало, Джонатан жестом указал на дверь. – И никому не слова.

Поклонившись, Анна вышла. На лице оставалась всё та же безмятежно-равнодушная маска. Как бы она сейчас ни выглядела, никому бы и в голову не пришло это заметить. Уголки губ слегка подрагивали, точно хотели сложиться в

издевательскую ухмылку. Как будто первая фрейлина принцессы когда-нибудь подводила своего Короля – как будто ей не были дороги её положение и жизнь.

Устало облокотившись на дверь, Анна презрительно сморщила свой прелестный носик. Скука. Каждый день, целый день – одно и то же, одни и те же. Это началось не с Короля – не им и продолжится. Не мать и не отец, порой пугавшиеся собственного дитя были виновны в том, что на мир она смотрела, будто через отражение ледяной стены. Всегда, с самого детства, вся сознательная жизнь текла как-то параллельно со всем остальным миром. Никто больше не замечал нюансов, не смотрел вокруг – а просто жил и наслаждался происходившим. Люди, ситуации, связи... как интересно было поначалу за всем этим наблюдать. Не спрашивать няню, сестру или мать – а самой наблюдать за тем, что происходило. Постепенно интерес сменялся скукой, очень быстро пришло понимание: сами по себе люди готовы не делать ничего, лишь бы жить в комфорте; предложи им это – и они согласятся на всё. Скука мешала дышать, не давала скрывать – какой на самом деле оказывалась эта прелестная девочка, когда переставала подстраиваться под чужие ожидания.

Новым витком интереса стали постановки, уже позже, при Дворе, когда появилась возможность, Анна пыталась ставить людей в ситуациях, за какими ей хотелось понаблюдать. Слово здесь, слово там, скромная улыбка – и нескромный вопрос, переданный чужими устами...

Анна с детства любила истории, читала книги, любые, захлёб, не прерываясь ни на сон, ни на еду, но даже обширная библиотека королевского дворца держалась уже не слишком уверенно. Истории кончались быстрее, чем та страсть, что постоянно требовала чего-то нового, ещё не узнанного. Дворцовые интриги не были уже таинственными и азартными, даже Джонатан, мнящий себя самым умным, хитрым и безжалостным, оказался по итогу простым человеком,